

БАШКИРЫ И БАШКОРТОСТАН В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIII-XIV ВВ.

Согласно Р.Г. Кузееву, формирование этнокультурных признаков, которые лежат в основе современной этнической характеристики башкирского народа, было результатом взаимодействия племен кыпчакской миграции с древнебашкирским этносом и расселения смешанных групп в пределах нынешней Башкирии [Кузеев Р.Г., 1974, с. 481].

В русских летописях первое упоминание о Башкирской земле относится лишь к 1469 г. [МЛС, 1949, с. 282]. Замечание В.С. Юматова о том, что «Башкирия до покорения ее совсем не обращала внимания наших летописцев и была в стороне от обыкновенного театра деятельности русских» [Юматов В.С., 1989, с. 404], верно если не в целом, то, по крайней мере, в пределах рассматриваемого в данной статье хронологического периода.

Упоминания башкир не были редкостью для арабо-персидских источников XIII-XIV вв. К сожалению, теми сведениями о башкирах, которые там содержатся, воспользоваться можно далеко не всегда. Прежде всего необходимо ответить на два вопроса: 1) к каким башкирам относятся эти сведения – к уральским или западноевропейским? (см. Таблицу); 2) к какому времени эти сведения относятся – к тому, когда они были записаны, или к более раннему, если авторы золотоордынской эпохи повторяли сведения, сообщаемые их предшественниками? Золотым веком мусульманской географической литературы был X в., когда географы «большую часть были в то же время путешественниками и имели возможность непосредственно наблюдать нравы отдаленных народов». Что же касается ученых последующих столетий, то их главной заботой «было собирание и приведение в систему накопившегося научного материала», географы теперь «работали почти исключительно в тиши библиотек» [Бартольд В.В., 1973, с. 103]. Арабские авторы, причисляемые к кабинетным работникам, переписывали слова своих предшественников и при этом, как и все средневековые компиляторы, «не считали нужным ссылаться на источники и даже не указывали, что то или другое, взятое ими из другого автора, относится к иному времени» [Бартольд В.В., 1996, с. 287]. Вот на эти поставленные вопросы мы и должны ответить в данной статье. К числу компиляций относится большинство географических сочинений арабских авторов XIII-XIV вв., в которых есть упоминания о башкирах. Остановимся подробно на одном из них, текст которого (правда, в более поздней передаче) опубликован на русском языке.

В географической энциклопедии Закарийа ал-Казвини «Памятники стран и сообщения о рабах [Аллаха]», составленной в 1275-1276 гг., фигурирует «Башкырт – большой народ из тюрок, между Кустантинией и булгарами». Далее в сокращении повторяется характеристика, данная башкирам Ибн Фадланом, с добавлением, что «это большой народ. Но большинство их христиане.

Среди них есть группа мусульман, последователей толка имама Абу Ханифы ан-Нумана», которые «платят джизью христианам». И наконец: «У них есть царь с громадным войском. Население живет в шатрах. У них нет крепостей» [Абд ар-Рашид ал-Бакуви, 1971, с. 111]. Сведения Закарийа ал-Казвини о народе башкырт являются неудачной компиляцией различных сообщений предшествующих авторов о башкирах и венграх. И тех и других он объединяет в один народ, указывая при этом, что это «большой народ». К башкирам относится первая часть рассказа, ибо венгры не помещались «между Кустантинией и булгарами», так как дунайские болгары к Константинополю были ближе. А Ибн Фадлан встретил башкир на пути к булгарам. Затем вдруг оказывается, что среди языческого народа большинство составляют христиане, а меньшинство – мусульмане-ханифиты. Вторая часть рассказа может быть отнесена только к венграм, хотя сама она в свою очередь подразделяется на две части, имеющие разнородное происхождение. Башкир, которые «исповедывают ислам и следуют учению Абу-Ханифа», встретил в Алеппо Якут. Они ему сказали, что являются подданными короля Венгрии и пришли в Алеппо для усовершенствования знания ислама [Хвольсон Д.А., 1868, с. 711]. Из Якута, таким образом, была заимствована первая часть той части рассказа о народе башкырт, которая относится к венграм. Концовка рассказа, представляющая на первый взгляд интерес, никак не может быть отнесена к башкирам и вообще к XIII в., ибо она заимствована из Ибн Русте, который писал, что мадьярский король «совершает походы с всадниками числом 10 000», а у мадьяр «есть палатки, крытые кожей» [Macartney С.А., 1930б, р. 206]. Таким образом, исследователей, обративших внимание на рассказ Закарийа ал-Казвини о народе башкырт, ждет неизбежное разочарование, ибо там не содержится никаких сведений, которые можно было бы отнести к башкирам XIII столетия.

Сирийский автор Якут ал-Хамави (начало XIII в.), согласно Д.А. Хвольсону, знал башкир, как уральских, так и мадьярских, и называл их обоих следующими этнонимами: «Башгирд», «Баш-Джерд», «Башджерд» и «Баш-Керд» [Хвольсон Д.А., 1868, с. 715]. Впрочем, транскрипция Д.А. Хвольсона весьма несовершенна, так как Ибн Саиду он тоже приписывает форму «Башкерд» [Там же], но В.В. Бартольд читает «Башкурд» [Бартольд В.В., 1973, с. 106]. Таким образом, имеем такие этнонимы: башгирд, башджерд, башкурд.

Испанский географ Ибн Саид (1214-1274) жителей Венгрии разделяет на два народа, на собственно венгров и на башкурдов, причем первые были христианами, а вторые от одного туркменского факиха приняли ислам [Там же]. Об уральских башкирах этот автор ничего не пишет.

Ад-Димашки (начало XIV в.) называет восточных башкир басхартами и знает европейских под именем «Башкерд» наряду с этнонимами «Маджар» и «Хонкар», т. е. Унгар [Хвольсон Д.А., 1868, с. 715-716], относящимися к венграм. Получается, что источником его сведений о западных башкирах был Ибн Саид.

Еще один сирийский автор Абу-л-Фида (около 1310 г.) употреблял имена «Басджерд», «Башкерд», «Хонкар» и «эль-Моджгария» и думал, что они обо-

значают разные народы [Там же, с. 716]. Известно, что «труд самого Ибн Саида был едва ли не главным источником Абу-л-Фиды» [Бартольд В.В., 1973, с. 104]. Из этого труда последний заимствовал ту же часть, что и ад-Димашки. Но Ибн Саид не знает этнонима «Басджерт». Так называет уральских башкир ал-Идриси (1154 г.) [Хвольсон Д.А., 1868, с. 715]. Современное чтение – басджирт [Коновалова И.Г., 1999, с. 192]. Абу-л-Фида пишет о земле Басджарт (башкир), которые неверные и убивают всякого, пришедшего к ним. Эта земля «находится налево от земли (восточных) Печенегов» [Хвольсон Д.А., 1868, с. 714]. Очевидно, имеется в виду левое направление при движении на восток. Вот это известие об уральских башкирах, хотя нам оно ничего не дает, кроме, может быть, указания на обитание башкир в лесостепи, к северу от заволжских печенегов, которых в то время, когда жил и писал Абу-л-Фида, как таковых давно уже не было.

Ал-Омари (1301-1348) пишет об одном неназванном народе, которым могли быть только башкиры. «В числе тех, которые пришли под защиту этого (золотоордынского. – И.А.) султана, (находится и) тюркский народ, на крайнем севере, у пределов его; он в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину» [Тизенгаузен В.Г., т. I, с. 231]. «Страны сибирские и чулыманские, – пишет цитируемый автор со слов некоего Хасана Эрруми, – ...прилегают к башкырдам» [Там же, с. 238]. Описывая границы золотоордынского государства, ал-Омари называет «области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман» [Там же, с. 236]. Здесь совершенно ясно, что автор говорит не о венграх и о Венгрии, а именно о башкирах и о Башкирии. Ибн Халдун (около 1332 – 1406) о Золотой Орде пишет, что это государство простирается, в частности, до «Булгара, Башгирда и Джулымана» [Там же, с. 378]. А.Н. Поляк читает: Башкирд [Поляк А.Н., 1964, с. 30, прим. 5]. В данном случае дается сокращенный пересказ описания золотоордынских границ у ал-Омари. Последний, кроме того, пишет, что «пределы всего царства Узбекова (простираются) в длину от Дергана (Гурганджа. – И.А.) Хорезмского на Востоке до Башгирда (на Западе. – И.А.), а в ширину от Хорезма до крайних пределов земли Сибирской» [Тизенгаузен В.Г., т. I, с. 243]. Вот здесь речь идет как раз о Венгрии. Ал-Калкашанди (1355-1418) знает «башкардов» – понятие, общее для Венгрии и Башкирии [Поляк А.Н., 1964, с. 37].

Рашид-ад-Дин, сообщив, что осенью 1236 г. монгольские царевицы, назначенные Угедей-кааном на завоевание Запада, соединились «в пределах Булгара», сразу после этого пишет: «Оттуда Бату с Шейбаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против буларов и башгирдов и в короткое время, без больших усилий, захватил их». Далее следует подробное описание этого мероприятия, где, однако, в качестве врагов монголов фигурируют только одни булары, царь которых здесь назван келаром, т. е. королем. Затем сказано, что, хотя страны Булар и Башгирд были завоеваны, жители их «снова восстали» [Рашид-ад-Дин, т. II, с. 37]. В историографии было высказано мнение, что название «Булар» у Рашид-ад-Дина может относиться только к волжским булгарам [Istvan Zimonyi, 1985, p. 200]. Но как это соотносить с утверждением самого Ра-

шид-ад-Дина, что «булары были многочисленный народ христианского исповедания; границы их области соприкасаются с франками»? [Рашид-ад-Дин, т. II, с. 37]. А франками в представлении Рашид-ад-Дина были западноевропейские народы [Петрушевский И.П., 1952, с. 24]. К тому же наряду с названием «Булар» у него есть и «Булгар» [Рашид-ад-Дин, т. II, с. 37]. Но традиционное мнение, отождествляющее буларов с поляками, а башгирдов с венграми, явно не соответствует логике изложения Рашид-ад-Дина, ибо поход против венгров и поляков не мог состояться сразу после завоевания Волжской Булгарии, той же осенью 1236 г., так как зимой царевичи занимались уже другими делами [Там же]. Все-таки аргументированной кажется версия более раннего автора – Джувейни, труд которого под названием «Тарих-и джехан гушай» – «История миропокорителя», написанный около 1260 г., есть в числе использованных Рашид-ад-Дином источников [Петрушевский И.П., 1952, с. 25]. Джувейни пишет, что «Бату решил истребить келаров и башгирдов», бывших христианами и живших рядом с франками, когда Русь, кыпчаки и аланы уже «были уничтожены» [Тизенгаузен В.Г., т. II, с. 23]. Здесь все на своем месте. Цитируемый рассказ Джувейни «О войне с келарами и башгирдами» и был заимствован Рашид-ад-Дином, но у него оказалась нарушенной последовательность событий. Кроме того, Джувейни не сообщает о последующем восстании этих двух народов. Это, очевидно, конъюнктура самого Рашид-ад-Дина, который рассказывает и о вторичном завоевании буларов и башгирдов [Рашид-ад-Дин, т. II, с. 45]. Под башгирдами у этих авторов имелись в виду не только башкиры, поселившиеся в стране мадьяр, но и сами мадьяры. Мусульманские писатели, как заметил Д.А. Хвольсон, хотя и знали название «мадьяр» в форме «моджгар», но обыкновенно называли их, т. е. мадьяр, башкирами [Хвольсон Д.А., 1868, с. 709]. Джувейни и Рашид-ад-Дин, как видно, здесь не исключение. В данном случае надо принять к сведению и тот факт, что по латинским источникам венгерские башкиры приняли активное участие в вооруженном сопротивлении монголам в 1241 г. [Насыров И., 2000, с. 152]. Рашид-ад-Дин, видимо, располагал двумя различными источниками, по-разному описывающими тогдашнее вторжение в Венгрию и Польшу. Одним из этих источников было сочинение Джувейни, второй же нам неизвестен. Вот почему из одного вторжения получилось два. Но в надлежащем месте можно было поместить только одно из них. Другое же оказалось в том месте, где у Джувейни находилось сообщение о взятии города Булгара [См.: Тизенгаузен В.Г., т. II, с. 23], которое Рашид-ад-Дин заменил описанием сражения с буларами. Значит, он действительно подразумевал в данном случае под буларами волжских булгар, что было ошибкой. Страну башкир Рашид-ад-Дин называет в числе покоренных Чингисидами государств [Рашид-ад-Дин, т. I, кн. 1, с. 66], в то время как о стране Башгирд он пишет, что «она еще не вполне покорена» [Там же, т. II, с. 37]. Значит, под башкирами Рашид-ад-Дина нужно видеть настоящих башкир. Он знал, что они были тюрками [Там же, т. I, кн. 1, с. 73].

Согласно Шихаб-ад-Дину Абдаллаху ибн Фазлаллаху, который писал в начале XIV в. и был известен под прозвищем «Вассаф-и-хазрет», поход против

келаров и башгирдов, исповедывавших христианство, состоялся после того, как монгольское войско прошло через пределы Булгарские и земли Русские [Тизенгаузен В.Г., т. II, с. 85]. Известно, что источниками для Вассафа явились сочинения как Джувейни, так и Рашид-ад-Дина, причем под покровительством последнего находился сам Вассаф [Там же, с. 80], но в этом случае в отношении последовательности событий он воздержался от следования авторитету своего покровителя.

В «Книге побед» (законченной в 1424/25 гг.) Шереф-ад-Дина Али Йезди рассказ о походе монгольских царевичей против келаров и башгирдов передан в таком же виде, как и у Джувейни [Там же, с. 145]. Но с сочинением Рашид-ад-Дина Шереф-ад-Дин тоже был знаком [Там же, с. 144]. Землю башкирдов он упоминает в числе северных стран и областей Дешт-и-Хазара, т. е. по-новому Дешт-и-Кыпчака, входящих в состав улуса Джучиева [Там же, с. 185]. Значит, под башгирдами надо понимать венгров, а под башкирдами – башкир.

Хамдаллах ибн Абу-Бекр Мустауфи Казвини в своей «Избранной истории», составленной в 1329/30 гг., пишет: «По приказанию отца, ему (Джучи. – И.А.) вверены были область Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, Саксин, аланы, асы, русские, Микес, башкирды и те пределы» [Там же, с. 91]. У Джувейни, а также Шихаб-ад-Дина Абдаллаха ибн Фазлаллаха и Шереф-ад-Дина Али Йезди, рассказ о взятии монголами города Микеса – аланской столицы [См.: ИНСК, 1988, с. 194], предшествует описанию похода против келаров и башгирдов. Таким образом, в перечне областей и народов у Хамдаллаха Казвини обнаруживается строго определенный порядок по мере их завоевания. Башкирды, помещенные в самом конце, это, конечно, венгры.

Название «Башгирд» упомянуто в «Анониме Искендера» (начало XV в.) после названия «Булгар» в числе земель и городов улуса Джучи [Тизенгаузен В.Г., т. II, с. 127]. Здесь, очевидно, имеется в виду Башкирия.

«Башкиры» упоминаются в «Родословии тюрков», сочинении, составленном не ранее середины XV в., в числе народов, страны которых, как можно судить по смыслу источника, непосредственно прилегают к Дешт-и-Кыпчаку [Там же, с. 204]. Это могли быть как сами башкиры, так и венгры.

Согласно Абу-л-Гази, одним из объектов захватнических планов монголов при организации похода царевичей во главе с Бату-ханом на Европу являлся народ под названием башкурды [РДТ, 1906, с. 122]. Бату-хан их завоевал [Там же, с. 151], хотя сделать это намеревался еще Джучи-хан [Там же, с. 158]. Но из контекста неясно, какие это были башкиры.

Из монгольских источников для нашей темы представляет интерес прежде всего написанная неизвестным автором XIII в. «Тайная история монголов» (или «Сокровенное сказание о поколении монголов»), где при перечислении народов, подвергшихся монгольскому нападению, упомянуты «Бачжигит» и «Мачжарат» [Козин С.А., 1941, с. 188-189], в которых можно видеть соответственно башкир и мадьяр. В монгольской летописи Лубсана Данзана «Алтан тобчи» (XVII в.), близкой «Тайной истории», этноним «Бачжигит» в данном месте пропущен, а вместо «Мачжарат» стоит «сангут»(?). С башкирами отождествля-

ется народ башмир [Лубсан Данзан, 1973, с. 228, 368, прим. 41]. Этот этноним соответствует этнониму «Кешимир», который упомянут в том же перечне «Тайной истории». Очевидно, Лубсан Данзан потому и пропустил этноним «Бачжигит», что башкиры в «Сокровенном сказании», по его мнению, упомянуты два раза. Наверное, это были в одном случае западные, а в другом – восточные башкиры. Этноним «Бачжигит» близок названию «башгирд» у Рашид-ад-Дина, а «башмир» – «башкир» с разницей лишь в одну фонему.

Из западноевропейских письменных источников особенно важен отчет венгерского монаха-доминиканца Юлиана о его путешествии в «Великую Венгрию» в 1235-1237 гг., который был записан другим монахом Рихардом.

Рихард сообщает, что в одном большом городе Великой Булгарии, который, к сожалению, не назван, «брат (Юлиан. – И.А.) нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, которую он искал.

Она указала брату пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он, без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль» [Аннинский С.А., 1940, с. 81]. Согласно С.А. Аннинскому, это была река Белая [Там же, с. 73, 81, прим. 1]. Оказалось, что «язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их. Они – язычники, не имеют никакого понятия о Боге, но не почитают и идолов, и живут, как звери» [Там же, с. 81].

По мнению Е.П. Казакова, Юлиан встретил «венгерку», указавшую ему дорогу на свою родину, в г. Биляре, а его встреча с «венграми» произошла в двух днях пути от этого города «на берегу р. Камы, скорее всего в низовьях р. Зай» [Казаков Е.П., 1997, с. 41, 53, рис. 10]. Однако в источнике речь идет не о двух днях, а о двух дневках. «Дневка» – это старое русское понятие суточного отдыха коней и людей после двух-трех дней пути [Рыбаков Б.А., 1969, с. 190]. Стало быть, Юлиан находился в пути в течение 6-9 дней, т. е. ему пришлось преодолеть расстояние в 200-300 км. Значит, он продвинулся значительно дальше на восток, чем представляется Е.П. Казакову. Юлиан оказался «где-то в районе низовьев р. Белой» [Гарустович Г.Н., 1988, с. 135] и отнюдь не ошибся. «В башкирском песенном фольклоре, как и в народной речи, Агидель нередко называется Идель» [БНТ, т. 10, с. 343].

Юлиановских венгров, таким образом, можно считать носителями чияликской культуры XII-XIV вв., границы распространения которой «очерчиваются поселениями и могильниками Камско-Бельско-Икского междуречья, а восточная граница этой территории проходит по левобережью нижнего течения р. Белой». Кроме того, носителями этой культуры были заселены окрестности современного города Уфы и низовья р. Демы [Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 1992, с. 25-27]. Угры, таким образом, обитали на восточных и северных склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности, «придерживаясь пограничной зоны между лесом и лесостепью» [Иванов В.А., 1995, с. 88]. Что же касается самой возвышенности, то она, согласно Р.Г. Кузееву, являлась основным районом расселения древнебашкирских племен [Кузеев Р.Г., 1974, с. 438]. С точки зрения археологии, это мнение «не должно безоговорочно отметаться», поскольку

59% территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности ныне составляет пашня, «по-видимому, уничтожившая значительное количество памятников археологии» [Иванов В.А., 1995, с. 81]. Те же из них, которые известны, в большинстве своем до сих пор не исследовались.

Джованни де Плано Карпини в числе народов Волго-Уральского региона, побежденных монголами, называет баскарт, отождествляемых с великой Венгрией [Плано Карпини, 1911, с. 25]. При перечислении земель, подчиненных монголами, фигурирует «Баскарт, то есть великая Венгрия» [Там же, с. 35]. И, наконец, очень важно указание о том, что с севера к Комании, «непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия» [Там же, с. 50].

Бенедикт Полоний, спутник Плано Карпини, пишет о стране Баскурд, также отождествляя ее с Великой Венгрией [Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г., 1962, с. 337].

Гильом де Рубрук в числе стран северной стороны, которые повинуются татарам, называет Паскати́р, то есть великую Венгрию. Он отмечает, что эти страны «полны лесов» и оттуда татарам «привозят дорогие меха разного рода» [Рубрук, 1911, с. 76]. Ниже Рубрук пишет: «Язык паскати́р и венгров – один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией». «То, что я сказал о земле Паскати́р, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар», – пишет также Рубрук. Но ходил туда лишь один Юлиан, который ничего не сообщает о башкирах. Рубрук указывает, что некие бедные народы, живущие в северной стороне, соприкасаются на западе «с землею Паскати́р, а это – Великая Венгрия».

Английский летописец Матфей Парижский (XIII в.) в своей «Великой хронике» под 1238 г. сообщает об опустошении татарами Великой Венгрии [Матфей Парижский, 1996, с. 267]. В 1241 г. они уже «обе Венгрии», т. е. Великую и Малую, «неслыханной жестокостью как бы в пустыню превратили» [Там же, с. 271]. Примечательно, что Матфей Парижский не отождествляет Великую Венгрию с Башкирией, что и отличает его сочинение от путевых записок трех вышеназванных путешественников. В этом отношении хронист близок к Юлиану. Очевидно, Матфей ознакомился, по крайней мере, со вторым сообщением последнего.

Пропаганда католичества восточным венграм продолжалась и после Юлиана. Так, римский папа Иннокентий IV в 1253 г. включил «Ungari Maioris Ungarie» в состав языческих народов, среди которых было дозволено работать монахам-проповедникам. Папа Михаил IV отправлял миссии миноритов и доминиканцев к самым удаленным народам, включая самих монголов и тех же «Ungari Maioris Ungarie». Джон XII в 1329 г. сказал, что вера «Ungari Asiatici» не портится. Даже в 1369 г. была отправлена миссия к «скифам Великой Венгрии» [Macartney С.А., 1930а, р. 171]. Отчеты этих миссий, видимо, не сохранились. Самое главное здесь то, что «венгры Старшей Венгрии», они же «венгры азиатские», они же «скифы Великой Венгрии», нигде не отождествляются с

башкирами. Это свидетельствует в пользу того вывода, что тюркизация приуральских угров не могла начаться раньше второй половины XIV в.

Таким образом, в западноевропейских источниках налицо две тенденции. Проводники первой тенденции (Плано Карпини, Бенедикт Полоний и Рубрук), лично не бывшие в приуральской лесостепи, отождествляют башкир с восточными венграми. Проводниками второй тенденции были Юлиан и брат Иоганка венгр из ордена миноритов, который в своем письме, написанном в 1320 г. [Аннинский С.А., 1940, с. 94], сообщает о Баскардии, большом народе, подчиненном татарам. Но это название скорее страны, нежели народа, хотя ниже упоминаются ее жители – баскарды, среди которых миссионер прожил «6 лет непрерывно» [Там же, с. 92]. Таким образом, эти авторы пишут либо только про «венгров», либо только про «баскардов», в среде которых они лично побывали, хотя последователем Юлиана был Матфей Парижский, который сам не путешествовал. В этой связи показательно, что арабо-персидские авторы X-XIV вв. причисляли башкир к тюркам [Янгузин Р.З., 1968, с. 258]. Для нас особенно важны указания ал-Омари и Рашид-ад-Дина.

Какой же представляется территория Башкирии по нарративным источникам? Якут, ал-Казвини и ад-Димашки пишут о горном хребте башкир, под которым подразумеваются Уральские горы [Хвольсон Д.А., 1868, с. 713; Булатов А.Б., 1971, с. 325]. У Идриси восточная ветвь р. Волги описана как начинающаяся «среди басджиртов» [Macartney С.А., 1930б, р. 222, note 2]. Здесь имеется в виду, конечно же, р. Белая [Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994, с. 136]. Г. де Рубрук пишет о реке Ягак (Яик), что «она течет с севера из земли Паскатира» [Рубрук, 1911, с. 101]. А.М. Курбский писал: «те живут башкирцы вверх великие реки Камы (очевидно, автору Белая представлялась продолжением Камы. – И.А.) в лесах» [Курбский А., 1986, с. 260]. Стало быть, земля башкир на протяжении XII-XVI вв. (т. е. в течение всего рассматриваемого нами хронологического отрезка) локализовалась в верховьях Белой и Яика, т. е. в горно-лесной зоне Южного Урала. В одном башкирском предании, пересказанном П. Назаровым, говорится, что предки башкир, находившиеся в язычестве, жили на Уральских горах [Башкиры, 1866, с. 173]. Урал-тау назван гнездовьем башкир в их эпосе «Идукай и Мурадым», в котором действие происходит в золотоордынскую эпоху [БНТ, т. 10, с. 47-48]. В то же время на карте Идриси, составленной в 1154 г. и приложенной к его книге, «земля башкир («ард басджирт») помещена к востоку от Волжской Болгарии («ард булгар») и к западу от Уральских гор («джебел Оскаска»)». Получается, что «башкиры в это время занимали западные и юго-западные территории современного Башкортостана, по долине р. Белой гранича с приуральскими уграми» [Иванов В.А., 1994, с. 91-92]. А на карте 1367 г., составленной итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани, название «пашерти», т. е. башкиры, как пишет В.Л. Егоров, помещено на месте Приуралья [Егоров В.Л., 1985, с. 131-132]. В предании о бурзянах сказано, что они обитали в юго-западном краю Башкирии «еще во времена ханов-каганов» [БНТ, т. 2, с. 164]. Но из другого предания известно, что, когда на них напали враги, то «мужчины спрятали женщин в скалах, а сами

ушли воевать» [Там же, с. 52]. Это уже не юго-западный, а, скорее, южный край Башкирии. Таким образом, нарративные источники дают нам две версии пространственной локализации башкир золотоордынского времени: с одной стороны – Южный Урал, а с другой – Юго-Западное Приуралье, т. е. Бугульминско-Белебеевская возвышенность. Очевидно, эти две версии не следует противопоставлять. Надо обратить внимание на предание «Акман-Токман». «Но однажды с востока, со стороны Алтая, пришла страшная черная рать. Было это летом. Весь народ, вся скотина были на яйляу, в лесах и горах, в долинах рек» [БПЛ, 1985, с. 97]. Здесь легко угадывается ситуация 1236 г. Это типичная картина второй стадии кочевания. Получается, что летом башкиры содержали скот в горах Южного Урала, а на Бугульминско-Белебеевской возвышенности они, очевидно, проводили зиму. Только так можно примирить противоречивые показания источников, не только преданий самих башкир, но и того же Идриси, у которого тоже совмещены обе версии. Может быть, башкиры начали осваивать горно-лесной Урал уже в XII в. А в 20-х гг. следующего столетия с началом монгольского нашествия путь в степь для них был отрезан и сокращение ареала обитания надо было чем-то восполнить. Теперь мы знаем, где надо искать памятники башкир (см. Карту).

Г.Н. Гарустович в особую группу памятников выделяет подкурганые захоронения XIV в. Сынтыштамакского (Благоварский район Башкортостана), Куштирякского (Бакалинский район), Резяповского (Чекмагушевский район) и Аверьяновского (Самарская область) могильников, расположенных на Бугульминско-Белебеевской возвышенности [Гарустович Г.Н., 1998, гл. III, с. 31-34]. Число таких памятников может быть пополнено. Так, у д. Брик-Алга Белебеевского района находится курганная группа, которая, хотя и была датирована XIV-XV вв. [АКБ, 1976, с. 106, № 810], но, очевидно, не раскапывалась. Пока же имеется всего 20 погребений в 18 курганах. Все курганные насыпи земляные (18 – 100%). В одной курганной насыпи (5,55%) были найдены кости лошади, барана и угли. Погребения – основные – 15 (75%) и впускные – 5 (25%). Преобладают простые прямоугольные могильные ямы с отвесными стенками (17 – 85%), в двух случаях (10%) с левой стороны от костяка вдоль длинной стенки были сделаны широкие ступеньки, в одном (5%) – контуры могильной ямы не прослежены. Большинство костяков захоронено в положении вытянуто на спине (18 – 90%), в одном случае (5%) скелет был склонен на левый бок, в одном случае (5%) положение костяка не выяснено. В четырех случаях (20%) черепа были развернуты в правую сторону. Ориентировка распределяется следующим образом: юго-западная – 10 случаев (50%), западная – 6 (30%), северо-западная – 3 (15%) и северная – 1 (5%). В четырех погребениях (20%) имелись кости лошади, в одном (5%) – кости барана и жеребенка. Восемь погребений (40%) без вещей, 12 погребений (60%) с вещами. Навряд ли можно считать, что эти погребения были оставлены приуральскими уграми, так как их возвращение в XIV в. к курганному обряду погребения представляется нелогичным. По всем основным признакам эти земляные курганы лесостепного Приуралья не выходят за рамки земляных курганов степного Приуралья, в то время как краниологиче-

ский материал Сынтыштамакского могильника «показывает довольно резкие расхождения» с синхронными черепами бассейна р. Урал, но обнаруживает сходство с современными башкирами, «что предполагает генетическую преемственность» [Юсупов Р.М., 1991, с. 15, 20].

Погребения Сынтыштамакского могильника золотоордынского времени гипотетически трактуются как древнебашкирские [Иванов В.А., 1995, с. 87] и с таким мнением вполне можно согласиться, имея в виду все погребения выделенной Г.Н. Гарустовичем группы. Не должен вызывать удивления тот факт, что на Бугульминско-Белебеевской возвышенности нет памятников более раннего времени, которые тоже можно было бы связать с древними башкирами. Согласно С.А. Плетневой, на второй стадии кочевания, «как правило, могильники находились у зимников», что «подтверждается как будто фактом характерных именно для зимы сезонных отклонений от принятой по обряду ориентировки покойника» [Плетнева С.А., 1982, с. 42]. А в данном случае мы имеем факт преобладания юго-западной ориентировки! Надо согласиться с тем положением этнографов, что с установлением монгольского господства башкиры лишились возможности практиковать привычные зимние кочевые маршруты в степь [Кузеев Р.Г., 1978, с. 175; Халфин А.С., 1997, с. 36, 50], что было связано с изменением не столько демографической, сколько политической обстановки. Получается, что погребальные памятники башкир домонгольского периода должны находиться в степной зоне. Р.Г. Кузеев пишет: «Одним из существенных признаков переселения на новую территорию является появление на ней родовых кладбищ; кочевники стремились хоронить умерших поблизости от зимних пастбищ, которые ассоциировались у них с понятием «родина». Следовательно, завершение переселения кочевников на ту или иную новую территорию связано с освоением зимних пастбищ. Только при этом условии можно считать, что кочевники целиком заселили эти земли» [Кузеев Р.Г., 1978, с. 48]. Если первым башкирским родовым кладбищем на территории Башкортостана считать Сынтыштамакский могильник, то надо полагать, что переселение древних башкир из степного Приаралья в лесостепное Приуралье окончательно завершилось лишь в XIII в. Более ранним временем древнебашкирские погребения данного могильника датированы быть не могут, так как в их вещевом материале имеются онгоны, а это один из элементов материальной культуры монголов, принесенный ими в Восточную Европу [Васюткин С.М., 1969, с. 71]. Но если теперь башкиры стали зимовать на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, то куда же они могли перегонять скот на лето? Еще во второй половине XVIII в. башкиры для летнего содержания своих стад предпочитали горные и предгорные местности [Акбулатов И.М., 1999, с. 29]. Таким образом, меридиональный цикл кочевания в XIII в. сменился на яйлажный. Поскольку трава на склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности к сентябрю почти полностью выгорает [Иванов В.А., 1984, с. 65-66], не говоря уже о высоком и длительном снежном покрове [Иванов В.А., 1995, с. 81], что осложняет тебеневку, башкирам теперь, очевидно, приходилось в какой-то мере прибегать к заготовке кормов на зиму. Для этого на зимниках и на летний период должна

была оставаться часть работоспособного населения, что было предпосылкой для перехода к третьей стадии кочевания.

За типологические рамки погребений в земляных курганах лесостепного Приуралья не выходит захоронение 7 кургана 1 Сыртлановского могильника в Мелеузовском районе, которое располагалось близко к поверхности (впускное?). Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Вещевой материал отсутствует. М.Ф. Обыденнов отнес это захоронение примерно к середине II тыс. н. э. и отметил влияние мусульманского погребального обряда [Обыденнов М.Ф., 1997, с. 47, 110]. Очевидно, человек, захороненный здесь, был представителем той группы населения, которая оставила целый ряд поселенческих памятников, расположенных поблизости. Это прежде всего селища Канькаево II, Береговское III, Иткучуково II, Хлебодаровка IV, Смаково, Красноярское I и II, первое из которых находится недалеко от г. Стерлитамака, в Ишимбайском районе, а все остальные – у южной излучины Белой, в Мелеузовском районе. Эти поселения, культурный слой которых очень беден находками, В.Д. Викторова отнесла к памятникам так называемого ишкуловского типа, отметив их синхронность селищу Береково [Викторова В.Д., 1962, с. 172]. Последнее находится тоже в Мелеузовском районе и по поливной керамике желтого цвета датируется XIII-XIV вв. [Там же, с. 163, 166]. Особняком стоит и селище Аптраково того же Мелеузовского района, отнесенное к первой половине II тыс. н. э. Что же касается самого Ишкуловского селища, находящегося в Абзелиловском районе, то здесь В.Д. Викторова ссылается на рукопись К.В. Сальникова, который определил данный памятник как место башкирской кочевки XIV-XV вв. [Там же, с. 172]. На трех последних селищах заметны округлые впадины глубиной 10-30 см и диаметром 3-6 м. Это следы легких жилищ типа юрт [Там же, с. 163, 170, 172; АКБ, 1976, с. 200]. М.Ф. Обыденнов дополняет данный В.Д. Викторовой перечень поселенческих памятников Мелеузовского района. Он называет еще Басурмановское, Бельское II и III, Хасановское I, Апасевское селища и относит их, как и те, что были известны раньше, к периоду XIII-XV вв. [Обыденнов М.Ф., 1997, с. 108]. Вот эти селища и надо рассматривать в качестве летних стоянок башкир в предгорных и горных районах Южного Урала. Однако в своем большинстве они еще не раскапывались, так что выводы об их датировке и культурной принадлежности являются сугубо предварительными.

В предании «Булгары и башкиры» сообщается, что уже во время существования булгарского государства, посредством деятельности присланных отсюда миссионеров «ислам распространился среди башкир, живущих в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныпа» [БПЛ, 1985, с. 93]. Из предания «Биксура» известно, что до нашествия монголов башкирские роды байляр и буляр кочевали в долинах рек Агидель, Ик, Мэлле и Минзели [Там же, с. 95]. В преданиях «Семиродцы» и «Бурзянцы» кыпсаки размещаются соответственно в долине Ика [БНТ, т. 2, с. 112] и в низовьях Агидели [Там же, с. 118]. Это, видимо, явление более позднего времени.

Именно фольклорный материал и дал основание Н.А. Мажитову и А.Н. Султановой рассматривать чияликские древности как памятники буляр-

байлярской группы башкир [Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994, с. 264-265]. Но мнение большинства исследователей о принадлежности чияликской культуры уграм основывается на анализе археологического материала, который к настоящему времени изучен достаточно полно. Примирить эти два подхода можно только таким образом: носители чияликской культуры были угорскими предками буляр-байлярских башкир. Угорское население низовьев Агидели и долины Ика впоследствии было тюркизировано под воздействием поселившихся там кыпчаков, что, по-видимому, обошлось без значительного смешения с последними.

Таким образом, понятие «древнебашкирский этнос» не является умозрительной конструкцией, так как по письменным источникам известны тюркоязычные башкиры, обитавшие на Южном Урале, с которыми можно связать целый ряд археологических памятников.

Литература

- Абд ар-Рашид ал-Бакуви, 1971 – Китаб Талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар («Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего»). – М.
- Акбулатов И.М., 1999 – Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. – IV в. н. э.). – Уфа.
- Аннинский С.А., 1940 – Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. – М.-Л. – С. 71-112.
- АКБ, 1976 – Археологическая карта Башкирии. – М.
- Бартольд В.В., 1973 – География Ибн Саида // Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. – М.
- Бартольд В.В., 1996 – Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // «Каспийский транзит» в 2 т. Т. 1. (Альманах «Арабески истории». Вып. 5.) – М.
- БПЛ, 1985 – Башкирские предания и легенды. – Уфа.
- БНТ – Башкирское народное творчество. – Уфа.
- Т. 2. Предания и легенды. – 1987.
- Т. 10. Исторический эпос. – 1999.
- Башкиры, 1866 – Башкиры. (Из статьи Назарова.) // Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т. III. Кавказ и Урал. – СПб.
- Булатов А.Б., 1971 – Восточные средневековые авторы о башкирах // Материалы научной сессии по этногенезу башкир (доклады и сообщения). (Археология и этнография Башкирии. IV.) – Уфа.
- Васюткин С.М., 1969 – К изучению археологических памятников в Башкирии // Вестник Московского университета, № 5. Серия IX. История.
- Викторова В.Д., 1962 – Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // Вопросы археологии Урала. Вып. 4. Сборник статей. – Свердловск.
- Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г., 1962 – «Башкиро-мадьярская» проблема. (Краткий обзор основных источников.) // Археология и этнография Башкирии. I. – Уфа.
- Гарустович Г.Н., 1988 – Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей. – Уфа. – С. 130-139.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 1992 – Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья: Сборник статей. – Ижевск.

- Гарустович Г.Н., 1998 – Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс... к. и. н. – Уфа.
- Егоров В.Л., 1985 – Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М.
- Иванов В.А., 1984 – Путями степных кочевий. – Уфа.
- Иванов В.А., 1990 – Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н. э. Автореф. дисс... д. и. н. – М.
- Иванов В.А., 1994 – Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала.) – СПб.
- Иванов В.А., 1995 – Бугульминско-Белебеевская возвышенность как культурно-ландшафтная зона и проблемы ее археологического изучения // Ядкяр. – Уфа. – № 2.
- ИНСК, 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.
- Казаков Е.П., 1997 – Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. – № 1.
- Козин С.А., 1941 – Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный избороик. Т. I. – М.; Л.
- Коновалова И.Г., 1999 – Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М.
- Кузеев Р.Г., 1974 – Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.
- Кузеев Р.Г., 1978 – Историческая этнография башкирского народа. – Уфа.
- Курбский А., 1986 – История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. – М.
- Лубсан Данзан, 1973 – Алтан тобчи («Золотое сказание»). (Памятники письменности Востока. X.) – М.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994 – История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа.
- Матфей Парижский, 1996 – Великая Хроника // «Русский разлив» в 2 т. Т. 1. (Альманах «Арабески истории». Вып. 3.) – М.
- МЛС, 1949 – Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. 25. – М.; Л.
- Насыров И., 2000 – Древние «башгирды» в Венгрии (Сообщения арабских историков и путешественников о башкирах) // Ватандаш. – № 5.
- Обыденнов М.Ф., 1997 – Археологические памятники верховьев Агидели. Отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. Вып. I. – Уфа.
- Петрушевский И.П., 1952 – Рашид-ад-Дин и его исторический труд // Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. – М.; Л.
- Плано Карпини, 1911 – Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. – СПб.
- Плетнева С.А., 1982 – Кочевники Средневековья. Поиск исторических закономерностей. – М.
- Поляк А.Н., 1964 – Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М.
- Рашид-ад-Дин – Сборник летописей. В 3 т. – М.; Л.
Т. I. Кн. 1. – 1952.
Т. II. – 1960.
- РДТ, 1906 – Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. – Казань.
- Рубрук, 1911 – Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. – СПб.
- Рыбаков Б.А., 1969 – Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 169.) – М.
- Тизенгаузен В.Г. – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.
Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.
Т. II. Извлечения из персидских сочинений. – М.; Л., 1941.

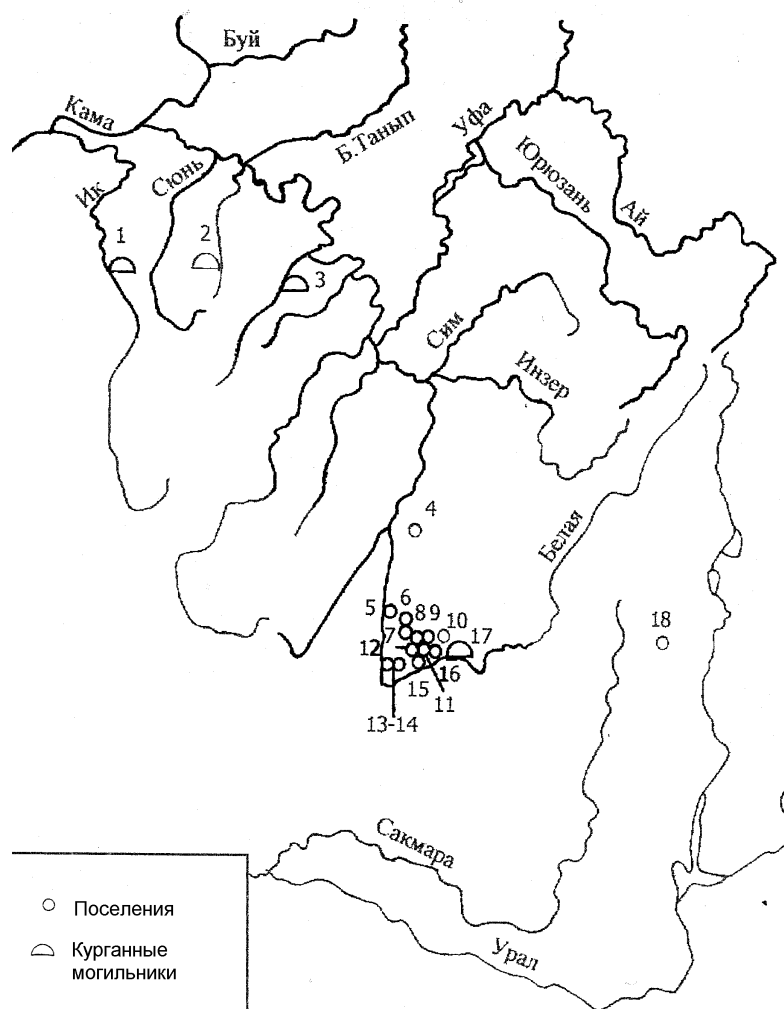
- Усманов А.Н., 1982 – Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – 2-е изд. – Уфа.
- Халфин А.С., 1997 – Культура жизнеобеспечения юго-западных башкир (историко-экологический аспект). Дисс.... к. и. н. – Уфа.
- Хвольсон Д.А., 1868 – Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста /арабского писателя начала X века (около 912 г.)// Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 140. – СПб. – Декабрь.
- Юматов В.С., 1989 – Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. В 6 т. Т. 1. – Уфа.
- Юсупов Р.М., 1991 – Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Препринт. – Уфа.
- Янгузин Р.З., 1968 – История и современное состояние изучения этногенеза и этнической истории башкир // Из истории Башкирии (дореволюционный период). (Ученые записки БГУ. Вып. 35. Серия исторических наук № 7.) – Уфа, 1968.
- Istvan Zimonyi, 1985 – The first Mongol Raid Against the Volga-Bulgars // Altaistic studies. – Stockholm.
- Macartney С.А., 1930а – The Magyars in the Ninth Century. – Cambridge.
- Macartney С.А., 1930б – The Oldest Report on the Countries of the North // Macartney С.А. The Magyars in the Ninth Century. – Cambridge. (Appendix.)

Таблица
Башкирская этнонимия в раннесредневековых письменных источниках

Источники	Уральские башкиры	Западноевропейские башкиры
Якут	башгирд, башджерд, башкурд	башгирд, башджерд, башкурд
Ал-Казвини	Башкырт	Башкырт
Ибн Саид	–	Башкурд
Ал-Димашки	Басхарт	Башкурд
Абу-л-Фида	басджирт; Басджарт	Башкурд
Ал-Омари	башкырд; Башкырд	Башгырд
Ибн Халдун	Башкирд	–
Ал-Калкашанди	Башкард	Башкард
Джувейни	–	Башгирд
Рашид-ад-Дин	Башкир	Башгирд; Башгирд, Башгурд
«История Вассафа»	–	Башгирд
Хамдаллах Казвини	–	Башгирд
«Аноним Искендера»	Башгирд	Башкурт
Ал-Йезди	Башкирд	Башгирд
«Родословие тюрков»	Башкир	Башкир
Абу-л-Гази	Башкурд	Башкурд
«Тайная история монголов»	Кешимир	Бачжигит
Лубсан Данзан	Башмир	–
Плано Карпини	Баскарт	–
Бенедикт Полоний	Баскурд	–
Рубрук	Паскатир	–
Иоганка Венгр	Баскард	–

Примечания: 1. Порядок перечисления источников следующий: вначале арабские, затем персидские, затем тюркские, затем монгольские и, наконец, западноевропейские. Внутри этих подразделений источники расположены в хронологическом порядке; 2. Названия, указанные со строчной буквы, являются собственно этническими (башкиры), а с прописной – географическими (страна башкир).

Карта
Археологические памятники XIII-XIV вв., связываемые с древними башкирами



Список памятников: 1 – Куштиряжский; 2 – Резяповский; 3 – Сынтыштамакский; 4 – Каныкаевское II; 5 – Береговское III; 6 – Берековское; 7 – Смаковское; 8 – Красноярское I; 9 – Красноярское II; 10 – Хлебодаровское IV; 11 – Иткучуковское II; 12 – Басурмановское; 13 – Бельское III; 14 – Бельское II; 15 – Аптраковское; 16 – Хасановское I; 17 – Сыртлановский; 18 – Ишкуловское.